

о чем может писать женщина?
тем более не рожавшая,
тем более не хлебнувшая,
тем более работающая,
не звучащая, не кричащая,
непричастная
и так далее.

что у нее в голове вообще есть?
кроме педагогической работы,
идеальных представлений
и незашторенного дома,
дачного участка с вагончиком для лопат,
кроме забора из невысоких зеленых дощечек,
которые едва прикрывают
одиночество ее.

разве нужен заборчик, нужны шторы?
чтобы никому не показывать
то,
что у нее в голове вообще есть,
то,
что, разламывая хворост повествования,
ребра самосознания,
пишет она,
то,
что важнее ее проходящей работы,
ее невозможных детей,
ее незаметной жизни.

1.

В маленькой кондитерской
где-нибудь в Сан-Себастьяне
невысокая баскская женщина
с короткими пальцами и хриплым голосом
взялась за польвороны:
через пару дней Рождество.
Испекла, словно
пухлые щеки и высокие лбы песочного цвета
посреди черного противня одеяний
Суолаги-и-Сабалеты,
только рассыпаются на глазах.
Завернула в оберточную бумагу
и выложила на прилавок
в маленькой кондитерской
на узкой улочке,
такой громкой с четверга до понедельника.

2.

Поди разберись, что происходит
здесь под Рождество.
Но пока нет коллоквиумов и экзаменов,
проекты отправлены преподавателям,
пока совесть не сообразила,
к чему призывать на сей раз,
надо успеть обежать все местные ремесленные мастерские,
скульптуры на набережной, над набережной и у самой воды,
конфетные лавочки и винные погребки,
магазины подарков и магазинчики сувениров,
подслушать соседей по толпе и убедиться,
что они говорят на абсолютно понятном языке,
побродить по книжным развалам, блошиным рынкам
и между передвижными стеллажами с виниловой музыкой,
прикатившимися сюда аж из соседней провинции,
сделать фото чужой страны
через рождественское стекло,
найти дары
для тех, кто полгода поправляет другой часовой пояс.

О, если бы можно было раздвоиться, а лучше расцветвериться
на эту вольную пару дней,
чтобы успеть сделать то, что даже задумать не успеваешь.
Чтобы хотя бы один из двойников мог
затеряться в этой суете.

3.

– Что тут такое,
ты говоришь, полвороны?
Бабушка бережно разворачивает обертку,
но руки не слушаются и
пальцы мнут песочные щеки и лбы.
– Колобок, колобок, – приговаривает она, –
ты почти рассыпался,
я твои крошки
съем ложкой.
А мягкий-то ты!
Для меня, беззубой, пекли.
Бабушка подливает себе чая с шиповником и мелиссой
и разворачивает еще одно печенье.
– Сейчас допью свои чаи, доем ваши вороны
и пойду курям дам.
Они этой зимой долго нестись не хотели,
я думала, что холода перебаливают,
а потом нашла расклеванное яйцо –
значит, кальция не хватает.
А когда подкорм купили,
так и стали нестись, что шальные.
Пойдем, дадим им ракушек.
Посмотришь, какие они у меня, белые, добрые клуши.
Бабушка, тяжело поднявшись из-за стола,
выходит во двор и достает из сарая пакет.
– Кушайте, девочки мои, кушайте.
И, блеснув перламутром,
ракушки летят на рославльские подзолы,
как летели в волны Кантабрийского моря.

* * *

Дерево начинается из-под земли.
Корнем почуяв возможность роста,
словно червь, пробирается в те слои,
на которые опирается воздух,

стремится за плодородный покров,
принимая давление атмосферы.
Росток мужает, перерождается в ствол
и обретает ветви.

Под напором стихий грубеет кора
и тяжелая зелень кроны темнеет.
Дерево пьет подземные воды, чтобы у топора
не хватило сил обезглавить корневую систему.

Знать бы, где искать продолжение:
в плодах ли, в изделиях из древесины.
Корни год от года сильнее сжимают землю,
продолжая жизнь в сторону, противоположную жизни.

* * *

от корней до кроны муравью добираться полдня
разговор двоих ведется на языке двоих
муравей ползет вверх солнце ползет на запад
от безрассудства двоих охраняет сад
нить разговора становится больше чем нить

с запада тянет дымом солнце зарылось в лес
не разобрать где верховой где низовой
муравью не успеть назад остается заночевать на листе
сад то ли в тумане то ли в дыму седеет
двое спасают друг друга от одиночества

сеть разговора плотнее стягивает двоих
где вечером были двое к утру остается одно
от кроны к корням муравья опускает лист
яблоки падают пахнут огнем и корицей
с восходом муравейник и сад открывают ворота

ДВОЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

МАМА, МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ

Здесь
дома расколочены,
погребя размурованы,
каждой банке в горло
заглядывал Голод,
пальцами перекалывал
внутренности
в свою утробу.

Говорил на ухо:
«Добей корову,
ей ногу оторвало полчаса назад,
кровь ушла, не воротишь».

Мама, я не крошил кирпич
о ее межрожье.
Не слышал человеческий крик.

Голод одно повторял:
«Мясу нельзя пропасть,
ешь сам, накорми ребят,
сколько еще стоять».

Мама, меня здесь нет.

Парень в не нашей форме
появился сам
и остался сам.

Его не прошил насквозь
этот ливень.
С фотографии из его кармана
не на меня смотрели сестра и мать.

Это не я застыл,
не зная,
закопать его или не закопать,
но не смог оставить в лесу одного.

Он приходит ночью,
стоит в ногах
и повторяет без счета:
«Как они теперь найдут меня в этой земле?»

Пришли свою фотографию, мама,
туда, откуда нельзя позвонить и написать,
туда, где меня нет.

Копай, копай, человек.
Рой, человек, рой.
В этом окопе твоя жизнь
и все прочее.

Пролетит снаряд, прилетит
через два часа или пять минут,
потому копай, человек,
может, выкопаешь спасение
души,
и ложись
тут.

31 мая 2015